

Проф. М. Е. Сергеенко

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ

(Памяти Николая Александровича Машкина)

Расцвет сельского хозяйства древней Италии начинается со II в. до н. э., когда Италия становится владычицей Средиземноморья и политически и экономически. Книга Катона «О земледелии», где говорится о создании комбинированных культур и о значительном повышении уровня полеводства и маслиноводства, неоспоримо свидетельствует об этом расцвете. В I в. до н. э., по свидетельству Варрона, Италия представляла собой сплошной фруктовый сад, и в мире не было ни пшеницы, ни вина, ни оливкового масла, которые могли бы соперничать с итальяскими (Rr, I, 2, 6). Он же говорит о прогрессе сельского хозяйства (Rr, I, 7, 2) и считает нормальным урожаем зерновых урожай в сам-десять (Rr, I, 44; 1). Италия не только снабжает своими сельскохозяйственными продуктами внутренний рынок, но и посылает свое вино и оливковое масло за пределы страны, преимущественно в западные провинции. К этому времени относится высокий подъем итальянского виноградарства и виноделия: в Италии появляются вина, приобретшие мировую славу (фалернское, цекубское). Венафское и казинское масло прочно удерживают за собой иностранный рынок.

К середине I в. н. э. картина резко меняется. Рабовладельческое хозяйство все больше приходит в упадок; к этому надо прибавить, что провинции окрепли экономически и не нуждаются в итальянском ввозе. Больше того: испанское масло начинает завоевывать итальянский рынок; галльские вина вступают в соперничество с итальянскими; шерсть с галльских овец захватывает первое место. Сельское хозяйство перестает приносить привычные доходы, тогда как расходы по его ведению повышаются. В хозяйстве рабов обычно держали столько, сколько необходимо было для выполнения текущих работ; всякие сезонные и экстраординарные работы, вроде жатвы, снокоса, съемки винограда, расчистки пустошей, выполнялись наемными рабочими. Их становится мало, и цены на их труд возрастают. Самый легкомысленный хозяин вынужден задуматься над своим вложением.

Упадок сельского хозяйства в I в. н. э. буржуазная наука отрицает. Между тем он налицо. О нем свидетельствуют и Плиний Старший в своей «Естественной истории» и Колумелла в своем «Сельском хозяйстве». В их трудах на современность, которой они, особенно Плиний, противопоставляют первые века республики, отнюдь не все было риторикой. Превозно-

сить добрые старые времена с их суровой и благородной простотой, когда блестящие полководцы и спасители отечества в то же время были и рачительными хозяевами, которые сами ходили за плугом и довольствовались печеной репой, стало, конечно, со времени Августа в римской литературе модой. Но кроме модных общих мест, у наших авторов имеются факты и цифры, которые никакой модой не объяснишь и которые никакой реторикой не предписаны. Плиний сообщает, что земли под Римом продаются за бесценок и что подгородные имения заброшены (NH, XIV, 50). Виноградники Сенеки в Номентанской области не стали бы такой притчей и не превратились бы в некое подобие сельскохозяйственной выставки, не будь они, по своей урожайности и обработке, явлением исключительным. Колумелла пишет, что луга, пастбища и леса, в которых с деревьев парезали лист для корма скоту, являются для его современников формой хозяйства, гораздо более предпочтительной, чем виноградники (III, 3, 1); что самый высокий доход с этих угодий будет сто сестерций в год с югера (III, 3, 3); что он едва может припомнить, чтобы в большей части Италии урожай зерновых был сам-четыре (III, 3, 4), и что доход (валовой) с югера виноградника равен 2 100 сестерциями. Исходя из этих цифр и цен на хлеб и вино в первой половине I в. н. э. (время, когда жил и писал Колумелла), мы видим, что в то время, как обычным процентом с капитала было 6%, полевое хозяйство давало с югера 4,5% дохода (валового), а виноградник (при хорошем уходе, невысоком качестве вина и дешевых ценах на него)—немного больше 6,5% (тоже валового). Этот расчет убедительно показывает, что сельское хозяйство в Италии того времени стало занятием явно невыгодным, что вести его так, как его вели до сих пор, было невозможно, и хозяину приходилось искать каких-то новых путей. В поисках этих путей сельские хозяева раскололись на два лагеря.

Представители одного, повидимому, наиболее многочисленного и влиятельного, решили, что помочь делу можно просто: если доходы с хозяйства сократились, то естественно сократить и расходы на это хозяйство. Это решение, которое на первых порах было, конечно, вынужденным и казалось естественным выходом из создавшегося положения, к середине I в. получило свое идеологическое обоснование. Создана была теория, что «очень хорошо возделывать землю убыточно», что при подсчете расходов собирать некоторые жатвы оказывается невыгодным и что вообще поля следует возделывать «плохим способом, который хорош», т. е. обходится дешево. Плиний Старший, из которого приведены все эти положения, подкрепил их примером Тария Руфа, загубившего миллионы сестерций «возделыванием на славу» имения, которое он приобрел, и авторитетом седой старины, требовавшей «не расходов, а работы» и объявившей будто бы, что «самое убыточное это превосходная обработка земли» (Plin., NH, XVIII, 36—43). Итальянские хозяева, по ироническому замечанию Колумеллы, начали считать «первым и самым верным доходом отсутствие всяких трат» (IV, 3, 3). Учение стоиков об истощении земли, встретившее в это время полное сочувствие среди крупных итальянских землевладельцев, должно было еще более укрепить хозяина в том убеждении, что нет смысла возделывать земли очень хорошо. Теория хозяйства, требовавшего ведения его «плохими средствами, которые хороши», возникшая вследствие упадка сельского хозяйства, привела к созданию агрономического кодекса, главным принципом которого было сокращение расходов. Автором этого кодекса является Цельс, живший в I в. н. э. и написавший сельскохозяйственную энциклопедию в пяти книгах. От нее дошли до нас только отрывки, но некоторые из них очень красноречивы. Цельс, например, советует пахать землю легкими плужками, потому что в этом случае хозяин может обойтись волами мелкой породы, которые и стоят дешевле и которых

дешевле содержать. Что Цельс имел в виду не места с легкой почвой, это несомненно: кампанскую terra pulla принято было пахать на ослах и на коровах (Varro, Rr, I, 19, 4), и сам Колумелла назначил ослу в числе его работ вспашку легкой земель (VII, 1, 2). Тяжелые же почвы в Италии требовали глубокой вспашки, тем более что комбинированные культуры в Италии того времени были широко распространены. Совет Цельса и означал, по существу, отказ от глубокой пахоты. В другом месте он рекомендует хозяину не мотыжить бобов: это сэкономит ему и время и рабочую силу, а кроме того принесет и некоторый доход: с невыполотого бобовища можно скосить воз сена. Черепичные ульи он советует заводить потому, что с ними можно не бояться ни пожара, ни вора. Вряд ли можно думать, что мы имеем здесь дело просто с агрономической безграмотностью: Цельс, конечно, понимал и значение глубокой пахоты и необходимость мотыжить и пропалывать посевы и делать для пчел ульи легкие, переносные, не накаляющиеся от зноя и не промерзающие зимой. Поручкой за его осведомленность в сельском хозяйстве является отношение к нему Колумеллы, его страстного и принципиального противника: Колумелла уважал Цельса и неоднократно на него ссылался. Цельс совершенно сознательно рекомендовал хозяину снижать в ряде случаев уровень агротехники и отказываться от методов и приемов, которые были выработаны и признаны итальянским хозяином прежних времен, потому что в этом отказе видел, как и большинство его современников, спасение хозяйства.

У Плиния, как указано выше, имеется теоретическое обоснование этих практических наставлений. Любопытно, что высказывания его по этому поводу проникнуты сплошь и рядом полемическим раздражением: Плиний с кем-то спорит и кого-то стремится уколоть. Стоит просмотреть посвященные сельскому хозяйству книги его «Естественной истории», чтобы личность этого неизвестного противника бесспорно выяснилась: это Колумелла. Плиний не упускает случая кольнуть его словом, намеком, молчанием. Перечисляя наиболее известных писателей-агрономов (XVIII, 22—23), он заканчивает свой краткий перечень именем Варрона: «особо следует упомянуть М. Варрона, который на восемьдесят первом году жизни решил написать книгу о сельском хозяйстве», — Колумеллы будто и на свете не было. В своей книге о виноградарстве он называет замечательных виноградарей, своих современников: «в наше время найдется мало примеров совершенного знания этого дела. Тем менее возможно обойти их молчанием: пусть люди узнают о той награде, за которой во всяком деле больше всего гонятся» (IV, 47), — и он называет Ацилия Сфенела, Ветулена Эгнала и рассказывает о виноградарике Реммий Полемона; Колумелла, достигший в своих виноградниках действительно чудес, даже не упоминает. Рассказав о запахе земли, об урожаях в Африке и о том, как там пахут землю, он вдруг, без всякого повода, раздражается негодующей тирадой: «судачить землю землей, как советуют некоторые, разбрасывая по тощей земле жирную и легкую, а пористую по сырой и очень жирной, — это безумие» (XVII, 41). Между тем именно Колумелла упоминает с одобрением опыты своего дяди: «дядя мой, Колумелла... часто насыпал на песчаную землю глину, а на глинистую и очень плотную — песок и таким образом заставлял пышно расти хлеба и выращивал прекраснейшие виноградники» (II, 15, 4); Колумелла с одобрением помянул известное изречение Магона: «кто купил имение, пусть продает дом в городе» (I, 1, 18), Плиний называет это изречение «жестоким и бесполезным для государства» (XVIII, 35); стоит Колумелле сказать, что в виноградниках должны работать колодники, потому что это наиболее толковые из рабов (I, 9, 4), как Плиний заявляет: «хуже всего обрабатывать земли с помощью колодников» (XVIII, 36). Это недоброежелательство и постоянное стремление изблщить

и опровергнуть объясняется просто: Колумелла был самым ярким представителем другого течения сельскохозяйственной мысли, требовавший интенсивной и рациональной культуры. Человек этот настолько замечательен и так мало известен, что на нем стоит остановиться подробнее.

Единственными источниками, откуда можем мы почерпнуть сведения о нем и о его жизни, служит одна надпись из Тарента, найденная в XVI в. и потом затерявшаяся, от нее сохранилась только копия, и собственное сочинение Колумеллы — двенадцатитомная сельскохозяйственная энциклопедия. На биографические подробности он, однако, скуп, и дать его биографию не только в современном понимании этого слова, но и в понимании, например, Плутарха, невозможно. Только кое-что можем мы извлечь из его слов, и лишь некоторые биографические данные установить.

Колумелла был современником Клавдия и Нерона и родился в Гадесе или в его окрестностях. Гадитанцы получили права римского гражданства еще при Цезаре; мы не знаем, принадлежал ли Колумелла к старинному римскому роду, выселившемуся в Испанию с давних пор, или происходил от коренных испанских уроженцев, из которых кто-то путем усыновления вошел в древний род Юниев и положил начало испанской ветви этого рода. Связи с Испанией он, во всяком случае, не чувствовал никакой. Родину Колумелла покинул еще юношей, и родной страной для него стала Италия; славные герои римской старины, все эти Курии Дентаты, Фабриции и Цинциннаты, для него «наши старики» (*antiqui nostri* — I, предисл. 13); отчаявшиеся в урожаях и плодородии италийской земли, римские вельможи именуется им «первыми людьми нашего государства» (*principes civitatis nostrae* — I, предисл. 1). Свои книги о сельском хозяйстве он пишет для Италии, имеет в виду особенности италийских почв и климата и обращается к италийскому виноградарю, хлебопашцу и скотоводу. Колумелла свой в Италии, и все для него здесь свое.

Ни о своих родных местах, ни о своих родителях Колумелла не говорит ни слова: ни одно воспоминание о них не врезалось в его душу. Прочно и почтительно сохранил он память только об одном человеке, которого знал в юности: о своем дяде с отцовской стороны, Марке Колумелле, «ученом и ревностном сельском хозяине» (II, 16, 4). Богатый землевладелец, хозяин нескольких имений, дядя этот был искателем новых путей и человеком подлинного творческого духа. Его смелые опыты по созданию почвенного горизонта (о чем говорилось выше) и по выведению новых овечьих пород крепко запомнились племяннику, бывшему их свидетелем. Дядя сыграл не малую роль в жизни молодого Колумеллы: его влияние, несомненно, сказалось и в выборе племянником сельского хозяйства в качестве жизненной карьеры, и в том направлении и духе, в котором он это хозяйство повел. Дядя остался для нашего Колумеллы, ставшего уже взрослым человеком и блестящим хозяином, неизменным авторитетом, и племяннику, видимо, доставляло удовольствие при каждом удобном случае вспоминать об учителе и спутнике своей далекой юности.

Мы не знаем, где получил Колумелла образование, но вопрос этот, по существу, значения не имеет: характер тогдашнего образования для людей определенного класса и состояния был повсюду одинаков: хорошее знакомство с литературой, греческой и римской, и умение владеть речью, вырабатываемое на упражнениях, строившихся по строго выработанным правилам реторики, вот что было, как известно, его основой и сущностью. Колумелла вынес из школы знание греческого языка и хорошее знакомство с древними авторами, греками и римлянами. Цитаты из Гомера, Гесиода и Эния легко и уместно соскальзывали с его пера (I предисл., 20; I, 1, 3; II, 2, 7). Вергилия он не просто читал, а занимался им прилежно и пристально — настолько, что впоследствии даже «осмелился» идти по его сле-

там (X предисл., 3) и, «выполняя волю почитаемого поэта», восполнил пробел в «Георгиках»: написал в стихах, где на каждом шагу встречаются ренессансизмы из Вергилия, целую книгу об уходе за огородными овощами. Писателей августовского времени он вообще хорошо знал: и Гораций и Овидий были ему близко знакомы. Из старых трагиков он высоко ценил Акция, удостоив его чести стоять рядом с Вергилием (I предисл., 30); читал старых историков (I предисл., 9: отрывок из Анния Клавдия) и ораторов (I предисл., 30); вступление Цицерона в его «Ораторе» послужило ему образцом для заключительной части его введения к первой книге «Сельского хозяйства». Несомненно, что школа до известной степени обязана Колумелле и своим мастерством в искусстве владеть латинской речью: богатством своего языка, сознательным и тонким подбором синонимов, патетической градацией риторических вопросов и ясной стройностью в расположении материала.

Неизвестно, кто были школьные учителя Колумеллы и какая индивидуальная печать лежала на их преподавании. Несомненно одно: юноша вышел из школы с любовью и доверием к книге и с жаждой знания. Окончание школы не было для него прощанием со всеми умственными интересами: он продолжал учиться и учился всю жизнь. Занятия ли сельским хозяйством или какая-нибудь другая причина обратили его к изучению астрономии, но он читал греческих астрономов; любит шегольнуть, иногда даже без нужды, своим знакомством с Гиппархом и знанием специальной астрономической терминологии (I, 1, 4; II, 10, 10; III, 6,4; IX, 14, 12) и был настолько осведомлен в небесных явлениях, что «составил книги против астрологов» (XI, 1, 31). От этого произведения ничего не сохранилось, но из слов самого Колумеллы явствует, что в нем содержалась полемика «с халдеями, бесстыдно обещающими перемену погоды в определенные дни». Судя по методу работы нашего автора, которую можно наблюдать в его «Сельском хозяйстве», он вряд ли удовольствовался и в своем астрономическо-метеорологическом трактате одной эмпирикой; обычно он не обходился без теоретических обоснований. Его интерес к римской старине в связи с интересами сельскохозяйственными приобрел своеобразную окраску: он заинтересовался сельскохозяйственным бытом в его историческом аспекте и стал читать книги понтификов с намерением самому написать книгу о древних обрядах италийской сельскохозяйственной религии (II, 21, 5,—6). О его знакомстве со специальной сельскохозяйственной литературой сказано будет в дальнейшем.

О следующем этапе в жизни Колумеллы — о его военной службе мы узнаем из вышеупомянутой надписи, которая в переводе гласит следующее: «Луцию, сыну Луция, Юнию Модерату Колумелле из трибы Галерии, военному трибуну Шестого Железного легиона»¹. Имя лица, названного в надписи, целиком совпадает с именем нашего Колумеллы; жители Гадеса, по свидетельству ряда надписей (CIL, II, 1313, 1729, 1731 и др.), были приписаны именно к трибе Галерии; Шестой Железный легион стоял в Сирии и Киликии, и Колумелла сообщает, что он был как раз в этих местах (II, 10, 18). Комбинация всех этих данных позволила установить и время пребывания Колумеллы в М. Азии и его участие в военных действиях против одного дикого киликийского племени. Военная служба оставила глубокие следы в сознании Колумеллы: до старости продолжает он воспринимать явления окружающей повседневной действительности в аспекте воинском: имене, куда не заглядывает хозяин, напоминает ему

¹ Уже G. Vesberg, De Luci... Columellae vita, 1898, правильно указал, что надпись эта не надгробная, а почетная. Тарент лежал на пути из М. Азии в Рим, и какой-то тарентинец, друг или сослуживец Колумеллы, чем-то ему обязанный, поставил эту надпись по поводу его возвращения (ук. соч., стр. 25 и 68, прим. 124 и 125).

войско, брошенное предводителем (I, 1, 18); виноградную лозу, приносящую из года в год богатый урожай, он сравнивает с солдатом, беспорочно отслужившим свою службу (III, 6, 4); толпа рабов выходит с рассветом на работу «словно в сражение, бодро и смело идя за виликом, как за военачальником» (XI, 1, 17). Его образцовый хозяин ведет себя по приезду в имение, словно полководец, производящий смотр своим солдатам и ревизию всему лагерю. Живучесть этих военных воспоминаний отнюдь не случайна: в военной службе было нечто глубоко созвучное натуре самого Колумеллы, энергичной, деятельной, жаждавшей борьбы и воспринимавшей как борьбу даже такую, казалась бы, мирную деятельность, как сельское хозяйство. И если он не остался на военной службе, то здесь действовали какие-то, к сожалению, ближе нам неизвестные причины чисто нравственного порядка, на которые наш автор намекает вскользь в бегло брошенном замечании, что служба эта «ничего не приносит без чужой крови и чужого страдания» (I предисл., 7).

Военный трибунал был в те времена для юноши из сенаторского или всаднического сословия вступлением к обычному *cursus honorum*. Путь этот был открыт и для Колумеллы, принадлежавшего к верхушке рабовладельческого общества. Об этой его принадлежности свидетельствуют и самый его военный трибунал, и его знакомства, и некоторые брошенные им слова. В числе его знакомых и друзей были такие люди, как консуляр Л. Волузий, один из богатейших людей своего времени (Tac., Ann., XIII, 30), ведший однажды с ним беседу о том, каких колоннов считать наилучшими; Марк Требеллий, под начальством которого он служил в Сирии и с которым сдружился (M. Trebellius noster — V, 1, 2); Галлион, брат Сенеки, с которым он тоже был на коротке (Gallion nostro — IX, 16, 2) и который был настолько знаком с занятиями Колумеллы, кругом его интересов и его вкуса, что наказывал ему написать в стихах об уходе за огородом. Свое сочинение Колумелла обращает именно к этому кругу, который для него является привычно своим («теперь большинство из нас часто бывает отозвано гражданскими магистратурами» — I, 1, 19).

Почему же юноша, по выходе из армии, не пошел обычной дорогой тогдашней состоятельной и знатной молодежи, не занялся адвокатурой, как Плиний Младший, и не выставил себя в качестве кандидата на первую из должностей? Может быть, присмотревшись ближе к столичной жизни, он почувствовал к ней такое отвращение, что бежал, говоря словами Варрона, в «поля, которые дала божественная природа»? Единственный материал, которым мы располагаем для ответа на эти вопросы, находится в предисловии к I книге, где Колумелла перебирает различные занятия, с которыми он познакомился в Риме, и описывает жизнь знатного римского общества. Его слова о «собачьем ремесле облаиванья богатых» и о защите преступников, губящей невинных людей, его характеристики пресмыкающегося клиента, а также кандидата, «покупающего честь и власть магистрата бесчестьем жалкого угодничества», и столичных прожигателей жизни, которые «тратят ночи на похоть и пьянство, а дни на азартную игру и на сон и почитают себя счастливыми, потому что не видят ни восхода солнца, ни его заката» (I предисл., 9—10 и 16), полны такой горечи и такого личного негодования, что, казалось бы, можно утверждать, что они продиктованы гневом суровой и честной души, для которой весь строй и обычаи тогдашней жизни Рима был непереносим и отвратителен. К сожалению, у нас нет данных, которые позволили бы категорически отвергнуть другое предположение: не появились ли эта горечь и негодование в результате неудач, постигших нашего юношу в его искании магистратур и в его адвокатских выступлениях? Если это и так, то к чести молодого человека следует все-таки отнести то обстоятельство, что возмущенный своими неудачами и

в силу их увидевший всю изнанку столичной жизни, он сразу же от этой жизни отрекся и занялся тем, что было ему любезно с ранних лет, — сельским хозяйством. Он приобрел себе землю под Ардеей; затем, продав ее (III, 9, 2), обзавелся имениями в Лации (под Карсеолами и под Альба Лонгой), а также в Этрурии, под Церрами. Большими имения эти не были; говоря о них, Колумелла употребляет выражение «наши участки» (*in agellis nostris* — III, 3, 14), которое, конечно, было бы неуместно в предложении к латифундиям. На этих «участках» он и повел свое хозяйство.

Можно составить себе некоторое представление о хозяйственных установках Колумеллы в начале его деятельности на основании его книги «О деревьях». Молодой хозяин испытывал, повидимому, потребность подвести итог тому, что он узнал в своей области, и он составил, по крайней мере, две книги по сельскому хозяйству; одну о полеводстве (она утеряна) и другую — о виноградниках и садах (сохранилась). В этой книге Колумелла предстает перед нами как прилежный и добросовестный ученик: он много читал Магона, с которым, вероятно, познакомился еще в Испании; присматривался к окружающим хозяйствам и считал усвоенные им практические правила и советы чем-то вроде сельскохозяйственных догматов, не нуждавшихся в пояснении и не допускавших возражений. Только дважды выступает он со своим мнением: в первый раз по поводу бурава, которым пользовались для прививки лоз и который Колумелла предпочел заменить буралом другой системы, и во второй, когда он говорит, что, «испытав на опыте такую культуру виноградника, он нашел ее неплохой». Юноша, оказывается, умел не только повторять с чужого голоса: он наблюдал, думал и выбирал. Эти размышления и наблюдения привели его к выводу, что та практика хозяйства, которая требует максимального сокращения расходов и снижения культуры, ведет хозяйство к гибели и во всяком случае не обогащает хозяина. Колумелла пошел другой, своей дорогой, на которой, надо думать, в начале оступался неоднократно: недаром же первым его советом начинающим хозяевам было не бояться ошибок, «потому что нет ни одной науки, в которой не учатся на ошибках» (I, 1, 16).

Мы не можем проследить шаг за шагом весь тот путь, который прошел Колумелла от начала своей деятельности и до того времени, когда у него была уже окончательно выработана система рационального ведения хозяйства. Систему эту он изложил в своем «Сельском хозяйстве», написанном уже на склоне жизни, когда он подводил итог и своим знаниям, и своему опыту и считал себя признанным учителем молодежи, избравшей сельское хозяйство своей деятельностью. Как вырабатывались отдельные пункты этой системы, мы сказать не можем: она лежит перед нами уже в готовом виде. Это не только свод конкретных сведений, свидетельствующих об очень высоком уровне италийской агрономической науки, — это определенная программа, указывающая сельскому хозяину, что он должен делать, если он хочет процветания своего хозяйства. Вокруг в вопросах сельскохозяйственных господствует полнейшее невежество, — он должен учиться и знать; вокруг думают, что землю можно обрабатывать кое-как, — он должен помнить, что хозяйство доходно только при высокой степени культуры; вокруг все сваливают на плечи первого попавшегося негодного раба и сами ничего не делают, — он должен во все вникать сам: ревностная деятельность самого хозяина — великий залог успеха.

У кого же рекомендует Колумелла учиться молодому хозяину? Прежде всего он должен основательно ознакомиться с местной сельскохозяйственной практикой: «пусть он по каждому вопросу советуется с наиболее сведущими хозяевами» (I, 1, 3). Сам Колумелла эту практику знал хоро-

по и относился к ней с полным уважением. У него часты ссылки на «сведущих деревенских хозяев», «на старых хозяев», на «осведомленных землевладельцев». Он хорошо знал деревенскую сельскохозяйственную терминологию, пользовался ею и любил при случае сослаться на деревенскую поговорку. Изложил правила такой важной работы, как мотыжение хлебов, он заключает свои предписания советом производить эту работу, «следуя обычаю местных жителей» (II, 11, 3). Лозы следует сажать только тех сортов, которые согласно одобрены местными виноградарями (III, 2, 31). Этого практического устного обучения, однако, мало: его следует дополнить специальным чтением. После Варрона, поместившего в начале своего «Сельского хозяйства» длинный список писателей-агрономов, в кругу людей образованных считалось невозможным приобщиться к вершинам сельскохозяйственного знания без книги. Колумелла повторил библиографическую справку Варрона, несколько изменив ее и дополнив списком всех латинских агрономов, своих предшественников и современников. Трудно сказать, читал ли он сам всех им перечисленных эллинистических авторов, сравнить с которыми его сочинение мы не имеем возможности, потому что от всех этих Аристандров и Евбулов, кроме имен, ничего не сохранилось. Латинскую же агрономическую литературу он знал хорошо и сумел кратко и выразительно охарактеризовать старых авторов; современников своих он помянул вежливо, что не помешало ему в дальнейшем вести с ними ожесточенные споры.

Предлагая начинающему хозяину «созвать на совет» названных им писателей (I, 1, 15) и «прилежно рыться в записях старых авторов» (I, 1, 3), потому что «у них найдется гораздо больше такого, что придется принять, чем такого, что нужно будет отвергнуть» (I, 1, 6), Колумелла тут же предостерегает его от слишком большого доверия к этому теоретическому книжному обучению: «произведения этих писателей скорее наставляют хозяина, чем делают его мастером своего дела» (I, 1, 6). И свое сочинение он сравнивает с костылями, которые «будут полезны не сами по себе, а в соединении с другим» (I, 1, 17). Этим «другим» оказывается собственная практика и опыт, из нее извлеченный.

Об опыте и практике говорил еще Варрон: «два пути в сельском хозяйстве дала нам природа: опыт и подражание... мы должны и подражать другим, а кое в чем и поступать по-иному и производить опыты, действуя при этом не наобум, а руководствуясь рассуждением» (Rr, I, 18,7—8), но у Варрона это было своего рода академическое замечание, и мы напрасно стали бы искать у него следов личного сельскохозяйственного опыта. Иначе обстоит дело у Колумеллы, который решительно провозглашает опыт учителем во всех областях и на него преимущественно опирается. Страницы его пестрят такими заявлениями: «опыт научил нас» (III, 9, 1—2) «на основании долговременного наблюдения» (III, 10, 19), «повинуясь длительному опыту» (III, 10, 8), «опыт осудил» (III, 17, 4). «Будем ставить опыты», предлагает он своему читателю: «если частично это и оказывается иногда убыточным, то в общем это даст прибыль: не будет ведь ни одного участка, возделыванье которого не принесло бы дохода, если хозяин путем многочисленных опытов добьется того, что будет выращивать на этой земле те растения, которые на ней пойдут всего лучше». Такой метод сделает самые плодородные поля еще урожайнее, и поэтому «никогда не нужно оставлять самых разнообразных опытов» (*varietas experimentorum omittenda est nequaquam* — I, 4, 5), — другими словами, надо неизменно стремиться к тому, чтобы лучше узнать свою землю и лучше ее обработать.

Боязнь расходов, отказ от вложений в землю и, как результат этого, снижение сельскохозяйственной культуры встретили в Колумелле горячего и убежденного врага. «Как он не понимает», обрушивается он на Цель-

са, советуя отказаться от глубокой вспашки, что «обильный урожай даст доход, который превысит наши издержки на покуску крупного скота» (II, 2, 24). По поводу сена, собранного с поля, где были бобы, Колумелла гневно замечает: «по-моему, только самый плохой хозяин может допускать, чтобы посевы у него зарастали травой... Я считаю, что бобы надо мотыжить трижды. Я знаю по опыту, что при таком уходе не только увеличивается их урожай, но делается меньше и шелуха их» (II, 11, 7).

Во всей своей книге он выступает злейшим и принципиальным противником теории, предлагавшей обрабатывать землю «плохими средствами, которые хороши». «Если любую отрасль сельского хозяйства не вести со знанием дела, заботливо и прилежно, то от нее, по моему разумению, дохода быть не может» (IV, 3, 4). «Поле дает не малый урожай, если его обработать заботливо и со знанием дела» (II, 2, 21). Кошунственно думать, что земля состарилась и утратила свое плодородие: «не усталость и не старость, как думает большинство, а наша собственная лень и бездеятельность сделала поля менее к нам благосклонными» (II, 1, 7). И виноградники не приносят дохода, потому что хозяева губят их «своей скупостью, невежеством и небрежностью» (III, 3, 6). Они поручают их любому бездельнику-рабу, только бы он дешево стоил; сами ничего не понимая в такой ответственной работе, как отбор чубуков, от которого зависит в дальнейшем плодородие лоз, они накладывают ее на «самого слабого и ни к чему негодного раба», руководствуясь тем соображением, что не способный по своей физической немощности ни на какую тяжелую работу, раб этот все-таки в хозяйстве что-то будет делать. Уход за саженцами и лозами небрежен и плох. А между тем, стоит только заняться виноградным хозяйством «со знанием дела и прилежанием», и хозяин получит большие доходы. Что же конкретно должен делать он у себя на поле и винограднике, чтобы это поле и этот виноградник стал доходной статьей?

В языке Колумеллы, очень ярком и богатом метафорами, есть три глагола, которыми он любит пользоваться, когда речь заходит об обработке земли и уходе за растениями: «помогать земле», «помогать плодоношению» (*iuvare*); «лелеять землю» (*fovere*) и «побеждать землю» (*vincere*). «Природа не может осуществить в полной мере того, что она хочет, если ты не поможешь ей трудом и знанием» (IV 28, 2); «бесплодие земли можно победить и прилежной работой» (I, 4, 3). Эта «разумная и прилежная работа» обеспечит хозяину максимум дохода, а состоит она в том, чтобы не только не снижать того высокого уровня агротехники, который был уже достигнут в итальянских хозяйствах, а, наоборот, еще повышать его. «Можно получать большие урожаи, если ухаживать за землей, часто, во время и умеренно ее удобряя» (II, 1, 7), — настаивает Колумелла, справедливо считая, что «прежние писатели, хотя и не обошли этого вопроса, но занялись им слишком невнимательно» (II, 13, 4). Он подробно описывает устройство усовершенствованного навозохранилища и добавляет к известным видам удобрения еще новые. Пахать он рекомендует самым совершенным из итальянских плугов с широким лемехом и отвалом; требует обязательного и двукратного мотыженья хлебов. Книги Колумеллы, посвященные виноградникам, представляют полный курс виноградарства, который во многих своих частях принимается безоговорочно учеными виноградарями современной Италии. Особо следует остановиться на опытах Колумеллы по возрождению аминейских лоз, старого и благородного итальянского сорта, который давал во времена Катона превосходные урожаи, а при Колумелле почти совсем вывелся, потому что, по общепринятому мнению, лозы эти «страдали как бы врожденным бесплодием» (III, 7, 2). Современники его обычно сажали привозные, преимущественно испанские и галльские лозы, дававшие много вина, но плохого сорта. Колумелла по-

ставил себе задачей вывести такую аминейскую лозу, которая давала бы обильнейший урожай. Работа эта заняла у него несколько лет и к тому времени, когда он писал свои книги по виноградарству, Колумелла мог считать ее завершенной: плодоносная аминейская лоза была выведена. Заставить вырождающееся растение покрываться обильными плодами и превратить бесплодные поля в щедрые нивы — это ли не торжество? У Колумеллы есть страницы, которые дышат упоением борьбы и победы: он уже считает, что человеческим силам нет преграды. Бывают ведь места, где нельзя держать ни скота, ни птицы: как же тут удобрять землю? «Только ленивый хозяин окажется и здесь без удобрения», отвечает Колумелла и дает подробный рецепт изготовления компоста (II, 14, 5—6). Мех вина с югера считался хорошим урожаем: «мы думаем, что виноградники, дающие меньше трех мехов с югера, следует выкорчевывать» (III, 3, 14). Атик пишет, что между взрослыми лозами можно посадить 14 тыс. саженцев, — нет, этого мало: можно посадить их 20 тыс. и можно так ухаживать за ними, что платить за них будут с охотой вдвое против обычного: не триста сестерций за тысячу, а шестьсот (III, 3, 12—14). Нормальным доходом с югера он считает почти 13 тысяч сестерций. Все эти цифры должны служить наглядным доказательством того, как выгодно сельское хозяйство, в частности виноградарство, если вести его не кое-как, «хорошо и плохо», а на самом высоком уровне тогдашней агротехники.

Колумелла был самым ярким представителем тех сельских хозяев, которые видели спасение хозяйства в том, чтобы всемерно повышать его культуру. Голоса, требовавшие этого повышения, раздавались и раньше. В таком именно духе писал Грецин, отец знаменитого Агриколы. Вспомним тех «сведущих хозяев», на которых ссылается сам Колумелла. Он сознательно берет на себя роль учителя и свою книгу пишет с расчетом на всю Италию, — поэтому так гибки его советы, приспособленные и к разным почвам, и к особенностям климата, и к своеобразию культур. Выход его книг (он выпускал их последовательно) бывал событием в среде сельских хозяев того времени: их читали и перечитывали; счастливый обладатель переписанного экземпляра устраивал у себя своего рода публичные чтения: прочитанное обсуждалось, вызывало и одобрение и горячие споры (IV, 1, 1). Если у Колумеллы были непримиримые противники из среды людей, считавших, что «хорошо возделывать землю убыточно», то, конечно, у него были ученики и сторонники: те неизвестные виноградари, для которых его книги о виноградарстве были постоянным руководством и справочником и которые охотно переплачивали ему вдвое, лишь бы иметь хорошие саженцы (III, 3, 13); те, кто читал и учился сельскому хозяйству из книг и на практике, кто неустанно следил за работой у себя в имении, устраивал вымощенные ямы для навозохранилища, заводил хорошие плуги, двукратно мотыжил хлеба, одним словом стремился обработать свои земли на славу. Весьма вероятно, что эти люди достигали в своих имениях успехов, не менее блестящих, чем сам Колумелла.

II, однако, мы видим, что сельское хозяйство древней Италии катится под гору: успехи передовых хозяев и самого Колумеллы оказались эфемерными, и работа их пошла прахом.

Пройдет еще немного лет, и Плиний Младший заговорит о неурожаях, об общем упадке цен на землю в Италии, о недостатке рабочих рук, а Траян будет вынужден издать указ, обязывающий сенаторов приобретать земли не в провинциях, а в Италии: добровольных покупателей на италийские имения становилось, повидимому, мало. Чем же объяснить, что деятельность Колумеллы и его сторонников не оказала никакого существенного влияния и что положение сельского хозяйства, несмотря на все их старания, несколько не улучшилось?

В рабовладельческом хозяйстве мало было победить и переделать природу; имелась еще сила, без которой хозяин ничего не мог сделать и которую тоже надо было покорить: это были рабы.

Чрезвычайно интересно, каким образом действует в этом направлении италийский рабовладелец. Катон не ломал себе головы над вопросом о рабах: он считал, что их надобно сытно кормить, как следует одевать и стараться заполнить все их время работой и сном. Для хозяина это навсегда осталось идеалом рабского существования. Жизнь, однако, показала его несостоятельность: свести раба до уровня рабочей скотины и удовлетворить его только едой и теплым плащом оказалось невозможно. Мало было, чтобы раб работал; надо было, чтобы он работал хорошо, а в хозяйстве с высоким уровнем культуры качество работы становилось насущной необходимостью. Нужно было заинтересовать раба в работе, и уже Варрон (Rr, I, 17,5—7) рекомендует хозяину ряд мер, которыми этого можно достигнуть.

Колумелла очень заботится об улучшении быта своих рабов: для них отводится одно общее, большое и высокое помещение, где «во всякое время года могут с удобством проводить время рабы»; для «раскованных рабов» (т. е. которым хозяин настолько доверяет, что они ходят на свободе без оков) устроены особые комнаты, расположенные с таким расчетом, чтобы зимой они были залиты солнцем, а летом находились в тени; для рабов-коллодников предназначен «очень здоровый подвал, освещенной множеством узких окошек» (I, 6, 3—4). Тем, кто работает под открытым небом, выдают кожухи или теплые плащи с капюшоном для защиты от холода и дождя (I, 8, 9). Виллику ставится в обязанность следить за тщательным приготовлением хлеба и здоровой пищи для рабов (I, 6, 12). Внимание хозяина к своим «говорящим орудиям» этим не ограничивается. Колумелла создает целую систему психологической атаки раба; тут и награды, и почет, и хозяйская ласка, и внимание. Если Варрон рекомендовал систему наград и поощрений преимущественно для тех рабов, которым хозяин поручал надзор за другими рабами и начальство над ними, то Колумелла идет гораздо дальше: он не только награждает рабов, которые деятельны и старательны (I, 8, 19); он стремится к тому, чтобы раб меньше чувствовал горечь своего существования. «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде»¹. Хозяин держит себя с рабом запросто: он шутит с ним, отвечает на его шутки, советуется с ним о новых работах. Он умело создает соревнование между рабами и умеет подстрекнуть их самолюбие, а по отношению к рабам, закованным в цепи, выступает в роли заботливого защитника и охранителя от всяких притеснений. О побоях нет и речи: виллику приказано лучше спускать рабу, чем быть жестоким.

Колумелла нигде не говорит, удалось ли ему победить раба, но, судя по некоторым его вскользь брошенным замечаниям: «я не раскаиваюсь, что соблюдал эти правила» (I, 8, 15) или «такая хозяйская заботливость много содействует обогащению» (I, 8, 19), можно думать, что он и здесь одержал победу. Победа эта только ни в коем случае не могла быть прочной: дело в том, что тот высокий уровень культуры, который требовал Колумелла, ложился на раба добавочной и мучительной тяготой.

Хозяева, считавшие, что они могут удержать свое хозяйство от краха путем упрощения и облегчения сельскохозяйственных работ, хотя бы это облегчение и связано было с понижением агротехники, это бессознательно чувствовали. Возьмем несколько конкретных примеров. Колу-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

мелла требовал для хранения навоза устройства особых зацементированных ям, куда навоз сваливали, причем требовал его постоянно поливать, чтобы он не пересыхал, а в течение летних месяцев «перемешивать весь навоз в навозохранилище, чтобы он легче перепревал и был лучше для удобрения» (II, 14, 8). В хозяйствах, где не гнались за подъемом агротехники, навоз обычно сваливали просто в кучу, которую в защиту от солнечных лучей прикрывали ветвями. Такая работа была, конечно, гораздо легче и проще той, которую требовал Колумелла. Легкие плужки, которыми предлагал пахать Цельс, представляли собой широко распространенное в Италии пахотное орудие, которое Плиний очень удачно назвал «колом с клювом» (XVIII, 171). Пахать им было и не так трудно и не так сложно, как тем плугом, который имел в виду Колумелла, предписывающий плуг боковую вспашку. Мотыжные хлебов требовало от работника величайшей осторожности и старания, и Цельс недаром советовал от него отказаться, по крайней мере, в некоторых случаях. О тщательности и сложности ухода за виноградной лозой у Колумеллы нечего и говорить. Нечего и спрашивать, где было рабу легче и вольготнее: в хозяйствах, где не гнались за высокой его культурой, или в хозяйствах, где требовали постоянного ее повышения. В этом повышении был заинтересован только хозяин; только хозяину приносило оно доход и выгоду; на раба всякое усовершенствование в хозяйстве ложилось только лишним бременем. И если хозяину нужно было надолго отлучиться, если он серьезно заболел, если он оказывался человеком менее деятельным и энергичным и не обладал умением Колумеллы заставлять людей с охотой на себя работать, то хозяйство его, несомненно, начинало приходить в упадок.

Колумелла не мог этого не видеть. При всей вере его в могущество человеческой воли и человеческого знания, он должен был признать, что существуют условия, при которых хозяину следует отказаться от самостоятельного ведения хозяйства: если это хозяйство не находится под его постоянным надзором, то с рабами сладу не будет и лучше передать землю колону. Чрезвычайно выразительна картина полевого хозяйства в отдаленном имении, куда постоянно заглядывать хозяин не может: «рабы сдают рабочих волов в наем, плохо кормят их, так же как и остальную скотину, пасут небрежно; показывают, что истратили семян на посев гораздо больше, чем было на самом деле; за посевами не ухаживают так, чтобы они хорошо шли, а когда хлеб уже убран на ток, то количество его ежедневно уменьшается, потому что они и сами его расхищают, и от других воров не берегут, и не дают честного отчета в том количестве, которое ссыпали» (I, 7, 6—7).

Производственные отношения в сельском хозяйстве Италии I в. н. э., особенно в ее передовых хозяйствах, перестали соответствовать характеру производительных сил, и неизбежен был переход к иной форме хозяйства, где это соответствие было бы восстановлено. Итальянский хозяин-рабовладелец отводит в своем хозяйстве все больше места арендатору-колону, и уже на рубеже I и II вв. н. э. во многих рабовладельческих хозяйствах колонны переводятся с денежной аренды на уплату натурой из полученного урожая. Замена раба колоном, который впоследствии, при феодализме превратится в крепостного, диктовалась законом обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

